

Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений

Distr.: General
24 May 2023
Russian
Original: Spanish

Комитет по насильственным исчезновениям

Выводы, принятые Комитетом в соответствии со статьей 31 Конвенции в отношении сообщения № 4/2021*, **, ***

<i>Сообщение представлено:</i>	Анхеликой Марией Берроспе Мединой (представлена Хуаном Карлосом Гутьерресом Контрерасом из организации «Стратегические судебные процессы для защиты прав человека» (IDHEAS))
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	г-н Йонатан Исаак Мендоса Берроспе и автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Мексика
<i>Дата сообщения:</i>	25 июля 2021 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Рабочей группы по индивидуальным сообщениям и срочным действиям в соответствии со статьей 31 Конвенции, препровожденное государству-участнику 25 октября 2021 года (в виде документа не опубликовано)
<i>Дата принятия выводов:</i>	24 марта 2023 года
<i>Тема сообщения:</i>	насильственное исчезновение несовершеннолетнего после его задержания по месту жительства предполагаемыми сотрудниками государственных служб
<i>Процедурные вопросы:</i>	неисчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	насильственное исчезновение

* Приняты Комитетом на его 24-й сессии (20–31 марта 2023 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Хуан Пабло Албан Аленкастро, Матар Диоп, Оливье де Фрувиль, Суэла Джанина, Милица Колакович-Бойович, Барбара Лохбилер, Хуан Хосе Лопес Ортега, Орасио Равенна, Кармен Роса Вилья Кинтана.

*** В приложении к настоящим выводам представлено особое (частично совпадающее) мнение члена Комитета Хуана Пабло Албана Аленкастро. Приложение распространяется без официального редактирования и только на языке оригинала.

Статьи Конвенции:

статьи 1; 2; 12, п. 1; 23, п.3; и 24, пп. 2, 3, 4 и 5

1.1 Автор сообщения является Анхелика Мария Берроспе Медина, гражданка Мексики, родившаяся 6 сентября 1977 года, действующая от своего имени и от имени своего сына, Йонатана Исаака Мендосы Берроспе¹, гражданина Мексики, родившегося 13 марта 1996 года. Автор утверждает, что государство-участник нарушило права ее сына, предусмотренные статьями 1, 2 и пунктом 1 статьи 12, пунктом 3 статьи 23, и ее права, предусмотренные в пункте 1 статьи 12 и в пунктах 2, 3, 4 и 5 статьи 24 Конвенции. Автор представлена адвокатом.

1.2 Конвенция вступила в силу для государства-участника 23 декабря 2010 года и 2 октября 2020 года государство-участник признало компетенцию Комитета принимать и рассматривать индивидуальные сообщения.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 11 декабря 2013 года примерно в 14:30 в мексиканском городе Веракрус в дом, в котором проживал 17-летний г-н Мендоса Берроспе, без предъявления ордера на арест ворвались шестеро неизвестных мужчин. Ворвавшиеся были вооружены длинноствольным и короткоствольным огнестрельным оружием, на них были балаклавы, полицейские ботинки и бронежилеты с надписью «Полиция» на груди и на спине. В это время в доме находились тетя, двоюродный брат и приятель г-на Мендосы Берроспе. Ворвавшиеся избили г-на Мендосу Берроспе, надели на него наручники, заявили, что он именно тот человек, которого они ищут, вывели его из дома и посадили в микроавтобус черного цвета. Приятель г-на Мендосы Берроспе видел примерно 20 мужчин, из которых несколько человек вошли в дом, а остальные оставались снаружи; в том числе вооруженные люди стояли по углам дома и никого к дому не пропускали. Тетя и приятель г-на Мендосы Берроспе видели два белых микроавтобуса без номерных знаков, черный микроавтобус без номерных знаков, в котором увезли г-на Мендосу Берроспе, и бело-синий патрульный автомобиль военно-морской полиции (входит в состав Министерства военно-морского флота) с включенным проблесковым маячком на крыше. Номер патрульного автомобиля был закрыт белой картонкой. Они также видели несколько других автомобилей, блокировавших подъезд к улице, на которой находился дом г-на Мендосы Берроспе.

2.2 Автор сообщения приехала домой во время описанных событий, но к дому ее не пропустили выставленные на улице полицейские. Она видела два белых и один черный микроавтобус, два легковых автомобиля белого цвета и две патрульные машины военно-морской полиции, в которых находились сотрудники полиции, одетые в темно-синюю форму с надписью «Полиция». Автор немедленно позвонила своему мужу, отцу г-на Мендоса Берроспе, который приехал к дому, когда г-на Мендосу Берроспе уже увезли. Примерно в 14:40 автор сообщения и ее муж видели, как два белых микроавтобуса, микроавтобус черного цвета и легковые автомобили белого цвета — все с проблесковыми маячками — вместе с двумя патрульными машинами военно-морской полиции остановились примерно в 100 метрах от дома, чтобы переговорить с патрульными машинами полиции штата Веракрус. Автору удалось записать номерной знак патрульной машины военно-морской полиции, который не был закрыт картонкой.

2.3 Автор и ее муж немедленно отправились на поиски г-на Мендосы Берроспе в центр содержания под стражей военно-морской полиции в городе Плайя-Линда (штат Веракрус), известный как «Эль Пеналито», где им сообщили, что г-н Мендоса Берроспе среди задержанных в центре не числится. Прождав в указанном центре два часа и не получив никакой информации о сыне, автор и ее муж обратились в Агентство расследований штата Веракрус и в Управление Генеральной прокуратуры Республики, где им также ответили, что среди задержанных лиц их сына у них нет. На следующий

¹ В различных протоколах правоохранительных органов потерпевший фигурирует и как «Йонатан», и как «Джонатан». В Реестре записи актов гражданского состояния он зарегистрирован как «Йонатан».

день, 12 декабря 2013 года, автор сообщения и ее муж снова отправились в центр «Эль Пеналито», где сотрудник полиции посоветовал им обратиться в Управление полиции штата Веракрус. Там также отрицали нахождение у них задержанного г-на Мендосы Берроспе, но автор видела, как с территории Управления полиции выехали те же черный микроавтобус, две легковые машины белого цвета и патрульная машина военно-морской полиции с номером, заклеенным белой картонкой, которые, предположительно, были причастны к задержанию ее сына. Автор сообщения и ее муж также видели один из микроавтобусов белого цвета на парковке центра «Эль Пеналито». В период с 12 по 13 декабря 2013 года автору стало известно, что были освобождены несколько молодых людей, задержанных 11 декабря, поэтому в течение нескольких дней они с мужем надеялись, что в ближайшие дни будет освобожден и их сын, г-н Мендоса Берроспе.

Жалоба в Генеральную прокуратуру штата Веракрус

2.4 17 декабря 2013 года автор подала жалобу по поводу исчезновения г-на Мендосы Берроспе в Генеральную прокуратуру штата Веракрус, в которой она указала номерной знак участвовавшего в операции патрульного автомобиля военно-морской полиции и потребовала провести расследование преступления, связанного с лишением человека физической свободы, в соответствии со статьей 161 Уголовного кодекса штата Веракрус². В первом процессуальном соглашении от 20 декабря 2013 года содержалось предписание заслушать автора сообщения, не предусматривалось применения протокола проведения розыска³ и не упоминался указанный автором патрульный автомобиль. В первом протоколе розыска от 6 января 2014 года было отмечено, что у военно-морской полиции нет микроавтобусов, что сотрудники военно-морской полиции не проводили никаких операций в районе дома, в котором проживал г-н Мендоса Берроспе, и не проводили его задержания. В указанном протоколе не было указано, проводились ли проверки в центрах содержания под стражей или на месте расследуемых событий. В протоколе не были упомянуты ни патрули военно-морской полиции, ни микроавтобусы и легковые автомобили полиции штата Веракрус. В апреле 2016 года прокуратура организовала проверку Журнала учета задержанных лиц, поступивших в центр «Эль Пеналито» в период с 11 по 13 декабря 2013 года, но имени г-на Мендосы Берроспе там не обнаружила. В военно-морской полиции также отрицали наличие у них информации о сотруднике, который оформлял задержанных в центре «Эль Пеналито» 11 декабря 2013 года, а также об операциях, проведенных в декабре 2013 года в районе дома, в котором проживал г-н Мендоса Берроспе, утверждая, что такой информации не существует, поскольку журналы регистрации оперативных мероприятий полиции были заведены только в 2015 году. Секретариат общественной безопасности полиции штата Веракрус также отрицал наличие информации о проведении в декабре 2013 года каких-либо полицейских операций в районе проживания г-на Мендосы Берроспе. Органы прокуратуры не давали распоряжений о проведении инспекции в соответствующих подразделениях указанных служб для проверки их утверждений об отсутствии запрашиваемой информации.

2.5 В марте 2014 года Центр управления, командования, связи и вычислительной техники (С-4) штата Веракрус сообщил, что у дома автора сообщения нет камер городской системы видеонаблюдения. Не было запрошено никакой информации о камерах видеонаблюдения на улицах, по которым якобы проезжали микроавтобусы и патрульные машины военно-морской полиции после задержания г-на Мендосы Берроспе. Только в январе 2015 года было отдано распоряжение провести визуальный осмотр места жительства г-на Мендосы Берроспе, который состоялся 26 июня 2015 года. Осмотр ограничился описанием интерьера и экстерьера дома г-на Мендосы

² Министерское расследование № 1293/2013/I/VER-12, включенное 15 октября 2015 года в Министерское расследование № 1269/2013/I/VER-05.

³ Procuraduría General de Justicia, Acuerdo 25/2011, mediante el cual se Establecen Lineamientos para la Atención Inmediata de Personas Desaparecidas, *Gaceta Oficial*, núm. 219, 19 de julio de 2011.

Берроспе; не были осмотрены ни близлежащие улицы, ни возможные камеры видеонаблюдения.

2.6 Первые слушания свидетелей происшествия были проведены в конце 2014 года и в 2015 году. Хотя свидетели сообщили о транспортных средствах и о сотрудниках, якобы участвовавших в операции, не было вынесено никаких распоряжений о проведении инспекции и проверок ни в службах военно-морской полиции, ни в полиции штата Веракрус. Только в период с января по май 2015 года следователи вызвали для опроса сотрудников военно-морской полиции, находившихся в патрульной машине, о которой сообщила автор. В период с июня по декабрь 2015 года было заслушано пять сотрудников военно-морской полиции. Несмотря на то, что из их показаний была получена конкретная информация по рассматриваемому делу, никаких дальнейших процессуальных действий на основании этих показаний предпринято не было. Лишь в июне 2016 года у военно-морской полиции была запрошена информация относительно патрулей, дежуривших 11 декабря 2013 года в районе проживания автора сообщения. В течение июля и августа 2016 года военно-морская полиция сообщила номер работавшего в указанном районе патруля и фамилии участвовавших в нем сотрудников. Однако номер патрульной машины, представленный полицией, отличался от номера, указанного автором. В своих заявлениях на слушаниях участвовавшие в патрулировании сотрудники представили информацию, аналогичную сообщениям сотрудников, дававшими показания в 2015 году, и она не привела к возбуждению уголовного дела. Для дачи показаний по рассматриваемому делу не вызывали ни руководящих сотрудников военно-морской полиции, ни руководящих сотрудников полиции штата Веракрус или Секретариата общественной безопасности полиции штата Веракрус.

Жалоба в Генеральную прокуратуру Республики

2.7 18 февраля 2014 года автор подала жалобу об исчезновении г-на Мендосы Берроспе в специальное подразделение по розыску исчезнувших лиц существовавшей в то время Генеральной прокуратуры Республики (в настоящее время это подразделение называется Специальная прокуратура по расследованию преступлений насильственного исчезновения при Генеральной прокуратуре Республики). В тот же день был составлен стандартный подробный протокол по указанной жалобе⁴, но ее предварительное расследование началось лишь спустя более четырех месяцев — 10 июля 2014 года⁵.

2.8 Поиски г-на Мендосы Берроспе осуществлялись только путем рассылки обычных запросов о сотрудничестве, направлявшихся органами прокуратуры в федеральные учреждения и в учреждения штата Веракрус без предварительной разработки стратегии или плана поисковых мероприятий. В сентябре 2014 года от федеральной полиции поступила информация о том, что 11 декабря 2013 года на улицах поблизости от дома г-на Мендосы Берроспе были задержаны несколько молодых людей. В июле 2015 года была получена информация с указанием дат и адресов исчезновений нескольких молодых людей в городе Веракрус в 2013 году, в том числе трех исчезновений 11 декабря 2013 года, включая исчезновение г-на Мендосы Берроспе. Согласно указанной информации, молодые люди были задержаны полицией штата и/или сотрудниками Агентства расследований штата Веракрус. В 2015 году от военно-морской полиции поступила копия реестра задержанных лиц, находившихся под стражей в центре «Эль Пеналито» 11 и 12 декабря 2013 года. При этом соответствующих видеозаписей не прилагалось, поскольку в указанные даты в центре якобы не было ни видеокамер наблюдения, ни системы телевидения замкнутого контура. В 2018 году была получена информация о задержании в 2017 и 2018 годах нескольких сотрудников полиции по обвинениям в

⁴ Стандартный подробный протокол представляет собой документ, в котором регистрируется жалоба; он свидетельствует о том, что орган власти принимает жалобу как сообщение о возможном преступном деянии, но не проводит официального расследования, которое возбуждается только после того, как по делу будет назначено предварительное расследование, позволяющее соответствующим властям выполнять следственные процедуры.

⁵ № AP/PGR/SDHPDS/UEBPD/M23/116/2014.

причастности к исчезновениям молодых людей в Веракрусе. Однако никаких проверок в офисах военно-морской полиции и полиции штата не проводилось, как не проводилось и следственных действий с опросом свидетелей, а также других процедур, необходимых для установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе и выявления виновных в его исчезновении.

Ходатайство о применении процедуры ампаро

2.9 9 января 2014 года автор обратилась в Четвертый окружной суд Седьмого округа штата Веракрус с ходатайством о применении процедуры ампаро в связи с исчезновением г-на Мендосы Берроспе. Судья получил письменные отчеты органов власти, являвшихся ответчиками по данному делу, в которых отрицался факт задержания г-на Мендосы Берроспе. 16 июня 2015 года, не проводя проверок в учреждениях этих органов, не назначая дополнительных поисков или мер по установлению местонахождения г-на Мендосы Берроспе, судья принял решение о прекращении производства по этому делу.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что государство-участник нарушило права, признанные в статьях 1 и 2, в пункте 1 статьи 12, в пункте 3 статьи 23 и в пунктах 2, 3, 4 и 5 статьи 24 Конвенции. Автор подчеркивает, что г-н Мендоса Берроспе, который был задержан без судебного ордера и не на месте преступления и, следовательно, незаконно, стал жертвой насильственного исчезновения, поскольку он был лишен свободы должностными лицами государства-участника, а затем последовал отказ властей признать этот факт лишения свободы. В результате г-н Мендоса Берроспе был лишен защиты закона в нарушение статей 1 и 2 Конвенции⁶.

3.2 Автор сообщения добавляет, что расследования происшествия как на местном, так и на федеральном уровнях не были ни оперативными, ни тщательными и они были проведены неэффективно в нарушение пункта 1 статьи 12 Конвенции⁷. Она утверждает, что почти за восемь лет, прошедших после насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе, в результате этих расследований так и не было установлено, что тогда произошло, никто из виновных в этом преступлении не был привлечен к уголовной ответственности, судим или наказан. Автор подчеркивает, что местное расследование не было начато сразу после исчезновения г-на Мендосы Берроспе и что первые разбирательства были неполными и запоздалыми, а федеральное расследование было начато лишь через несколько месяцев после подачи соответствующей жалобы. В ходе обоих расследований надлежащие процедуры либо не выполнялись, либо проводились с большим опозданием, и в результате не было выработано ни стратегии, ни гипотез расследований. Кроме того, существенные доказательства, необходимые для установления виновных, неоднократно отрицались или скрывались органами военно-морской полиции и Секретариатом общественной безопасности и полицией штата.

3.3 Что касается нарушений пункта 3 статьи 23 Конвенции, то автор утверждает, что государство-участник не приняло надлежащих мер ни к тому, чтобы предотвратить содержание г-на Мендосы Берроспе под стражей на объектах, находящихся под контролем военнослужащих, ни чтобы не допустить насильственных исчезновений, имевших место накануне и после событий, в ходе которых военные объекты использовались для содержания там гражданских лиц без предоставления информации на этот счет компетентным властям или органам, наделенным полномочиями по надзору и защите.

3.4 Аргументируя свое заявление относительно нарушений положений пунктов 2, 3, 4 и 5 статьи 24 Конвенции, автор сообщения утверждает, что родственники г-на Мендосы Берроспе до сих пор не знают правды об обстоятельствах его исчезновения и не получили никакой информации о его судьбе и/или

⁶ *Ируста и Ируста против Аргентины* (CED/C/10/D/1/2013), п. 10.4.

⁷ Автор ссылается на CED/C/CHL/CO/1, п. 19.

местонахождении. Автор добавляет, что розыск г-на Мендосы Берроспе был начат местными следственными органами только через несколько дней после подачи жалобы и что судья по делу ампаро не отдал распоряжения о проведении розыскных процедур⁸. Автор также подчеркивает, что не было разработано никакого плана или стратегии поиска и что процедуры поиска и установления местонахождения жертвы преступления как на местном, так и на федеральном уровне, не были ни своевременными, ни исчерпывающими; скорее они были запоздалыми, рутинными, прерывистыми и нескоординированными. Кроме того, государство-участник не предоставило ближайшим родственникам г-на Мендосы Берроспе никакой компенсации.

3.5 В заключение автор утверждает, что ее сообщение подпадает под действие исключения из правила исчерпания внутренних средств правовой защиты, предусмотренного пунктом 2 d) статьи 31 Конвенции. Она считает, что ближайшие родственники г-на Мендосы Берроспе исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты, которые, в принципе, должны были быть эффективными, в частности процедуры уголовного расследования и средство правовой защиты ампаро. Однако спустя почти восемь лет после насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе и после того, как автор подала первую жалобу по поводу его исчезновения, никто из виновных в этом преступлении не был установлен и привлечен к судебной ответственности, нет никаких версий происшествия от прокуратуры Веракруса или от Федеральной прокуратуры, местонахождение и судьба г-на Мендосы Берроспе неизвестны, а его родственники не получили никакой компенсации. Таким образом, применение внутренних средств правовой защиты оказалось неоправданно затянутым, безрезультатным и неэффективным.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях относительно приемлемости и существа сообщения от 12 июля 2022 года государство-участник просит Комитет объявить это сообщение неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты или, в качестве альтернативы, признать, что государство-участник не нарушило своих обязательств по Конвенции.

4.2 Аргументируя свое замечание о неприемлемости сообщения, государство-участник утверждает, что данное дело все еще находится на рассмотрении национальных следственных органов. Государство-участник подчеркивает, что именно национальные органы власти компетентны установить возможную причастность к этому делу сотрудников военно-морской полиции и/или полиции штата Веракрус, чтобы определить, следует ли продолжать расследование данного дела как касающегося незаконного лишения свободы или насильственного исчезновения. Государство-участник также подчеркивает, что эти направления расследования различны и что до сих пор, учитывая, что не было установлено участие в этом деле сотрудников полиции или военнослужащих, дело расследовалось как незаконное лишение свободы, которое, вероятнее всего, было совершено организованной преступной группой.

4.3 Государство-участник утверждает, что автор не исчерпал доступные внутренние средства правовой защиты, учитывая, что предварительное расследование, начатое Генеральной прокуратурой Республики по факту лишения свободы г-на Мендосы Берроспе, было объединено с четырьмя другими делами в рамках расследования⁹, которое до сих пор не завершено. Государство-участник подчеркивает, что указанное объединение следственных действий было обусловлено наличием сходных мотивов и способов осуществления (*modus operandi*) насильственных исчезновений, а также идентичностью обстоятельств времени, способа и места действий. При этом государство-участник добавляет, что Национальная комиссия по поиску пропавших без вести уже привлечена к

⁸ Автор ссылается на [CED/C/PER/CO/1](#), п. 33 а).

⁹ № AP/PGR/SDHPDSC/UEBPD/M23/21/2014.

координации институциональных усилий по выработке всеобъемлющей и исчерпывающей стратегии скоординированного, систематического, непрерывного и эффективного поиска непосредственных жертв исчезновений. Государство-участник также добавляет, что в течение недели 11–15 июля 2022 года было запланировано проведение различных следственных действий, направленных на выяснение фактов, установление вероятных виновников преступления и на определение судьбы или местонахождения г-на Мендосы Берроспе. Кроме того, планировалось проведение мероприятия для информирования косвенных жертв преступлений, в присутствии их советников, сотрудников Отделения Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в Мексике и представителей Германского общества по международному сотрудничеству (GIZ), о ходе проводимых расследований. Поскольку расследование еще не завершено и разбирательство по делу продолжается, и доступные внутренние средства правовой защиты не исчерпаны, государство-участник считает, что рассматриваемое сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 d) статьи 31 Конвенции.

4.4 По существу сообщения государство-участник утверждает, что оно выполнило свои обязательства по предотвращению исчезновений, их расследованию и наказанию виновных и по возмещению ущерба. Государство-участник подчеркивает, что в январе 2018 года вступил в силу «Общий закон о насильственных исчезновениях лиц, об исчезновениях, совершаемых частными лицами, и о национальной системе розыска пропавших без вести», в соответствии с которым внесены изменения в определение насильственного исчезновения как уголовного преступления¹⁰ с учетом международных стандартов в этой области. Указанный закон обеспечивает нормативную и институциональную основу для предотвращения, поиска и идентификации жертв и расследования исчезновений. Кроме того, в этом законе предусмотрено создание Национальной системы поиска людей, Национальной комиссии и местных комиссий по поиску пропавших без вести людей в субъектах федерации, и гарантируется всесторонняя защита прав исчезнувших людей до выяснения их судьбы или местонахождения, а также предоставление им помощи и защиты, всестороннего возмещения ущерба и гарантий неповторения. Государство-участник утверждает, что, согласно информации, представленной Генеральной прокуратурой Республики и Четвертым окружным судом штата Веракрус, принимаются все необходимые следственные меры для скорейшего установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе и выявления возможных причастных к его исчезновению преступников. Государство-участник подчеркивает, что об эффективности такого подхода свидетельствует практика действий и накопленный опыт розыскных работ в аналогичном контексте.

4.5 Что касается статьи 12 Конвенции, то государство-участник утверждает, что оно выполнило свои обязательства по обеспечению права любого лица сообщать о фактах насильственного исчезновения компетентным органам, которые обязаны обеспечить оперативное проведение тщательного, эффективного и беспристрастного расследования. Государство-участник подчеркивает, что по делу г-на Мендосы Берроспе было проведено исчерпывающее, эффективное и беспристрастное межведомственное расследование в целях установления его местонахождения и скорейшей реинтеграции в семью, а также выявления лиц, виновных в его исчезновении, с целью привлечения их к ответственности и передачи в распоряжение компетентных органов. Государство-участник также отмечает, что в указанном расследовании активно участвовали путем обмена информацией учреждения трех уровней власти, а именно Генеральная прокуратура Республики и Генеральная прокуратура штата Веракрус, Национальная комиссия по поиску пропавших без вести и Комиссия по поиску пропавших без вести лиц штата Веракрус. Это взаимодействие способствовало выработке направлений расследования и формированию версии о связи исчезновения г-на Мендосы Берроспе с пятью другими исчезновениями молодых людей, произошедшими в порту Веракрус при аналогичных обстоятельствах в период с 6 по 11 декабря 2013 года; на основе этого межведомственного

¹⁰ Ст. 27–29.

расследования Национальная комиссия по поиску пропавших без вести разработала стратегию поиска г-на Мендосы Берроспе.

4.6 Государство-участник заявляет, что в соответствии с требованиями положений пункта 3 статьи 23 и пунктов 2, 3, 4 и 5 статьи 24, оно приняло все необходимые меры для того, чтобы не допустить содержание г-на Мендосы Берроспе под стражей на объектах, находящихся под контролем военнослужащих, и чтобы обеспечить права его родственников знать правдивую информацию о его исчезновении. Государство-участник утверждает, что Генеральная прокуратура Республики пыталась собрать информацию, необходимую для установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе. Оно добавляет, что Четвертый окружной суд штата Веракрус принял все необходимые меры для обеспечения явки г-на Мендосы Берроспе на разбирательство по поданному автором сообщения ходатайству о предоставлении г-ну Мендосе Берроспе косвенного ампаро, запросив предварительные обоснованные отчеты различных органов власти, чтобы определить, какой орган власти лишил его свободы. Однако на основе представленных отчетов не удалось установить, что к исчезновению г-на Мендосы Берроспе причастен какой-либо орган следствия, полиции или военный орган. В этом контексте суд распорядился принять дополнительные меры с целью установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе, направив официальные просьбы на этот счет в руководящие инстанции правоохранительных, пенитенциарных, медицинских, военных и других органов.

4.7 Государство-участник считает, что утверждение автора сообщения о том, что не было разработано никакого плана или стратегии розыска г-на Мендосы Берроспе, является необоснованным. Оно указывает, что с 7 октября 2014 года на имя г-на Мендосы Берроспе заведено Единое розыскное дело, которое в настоящее время зарегистрировано в Национальном реестре исчезнувших и пропавших без вести лиц. Государство-участник подчеркивает, что дело г-на Мендосы Берроспе было проанализировано с точки зрения методологии расследования и поиска, с учетом фактора ассоциации и возможной тесной связи его дела с упомянутым выше исчезновением пяти других молодых людей. Этот анализ проведен в рамках Стандартного протокола розыска пропавших без вести (Стандартный протокол розыска) с применением типовых схем, позволяющих разрабатывать эффективные сценарии определения местонахождения и стратегии розыска пропавших без вести.

4.8 Государство-участник добавляет, что в рамках расследования исчезновения г-на Мендосы Берроспе и других пяти молодых людей было проведено четыре расследования и подготовлен доклад об анализе контекста происшествия, который включает в себя общее описание, хронологию и карту исчезновений, а также сеть связей между всеми указанными исчезновениями. Государство-участник отмечает, что 17 февраля 2022 года в прокуратуре штата Веракрус состоялось совещание, на котором Национальная комиссия по поиску пропавших без вести представила план поиска, составленный на основе информации, полученной в ходе вышеупомянутых расследований. В нем говорилось, что после того, как будет определен правовой статус интересующих следствие точек поиска, можно будет назначить сроки проведения розыскных мероприятий. На совещании было решено, что местная Комиссия по поиску пропавших без вести лиц подготовит предложения по плану работ для проведения розыска в режиме реального времени, с указанием конкретных сроков.

4.9 Государство-участник сообщает, что 18 марта 2022 года была организована встреча ближайших родственников жертв исчезновений и их законных представителей с сотрудниками Генеральной прокуратуры штата Веракрус, национальной и местной комиссий по поиску пропавших без вести лиц, Государственной комиссии по правам человека и Министерства внутренних дел, на которой был представлен план работы по проведению акции «Поиск живых исчезнувших людей», и было решено, что эта акция будет проведена с 18 по 28 апреля 2022 года. Государство-участник утверждает, что связь и взаимодействие с родственниками г-на Мендосы Берроспе осуществлялись через его законного представителя, который присутствовал на рабочих встречах, где высказывались сомнения, опасения и предлагались решения для формирования направлений работы по поиску местонахождения и/или установлению судьбы исчезнувших лиц.

Государство-участник подчеркивает, что этот подход позволил собрать, проанализировать и систематизировать информацию, необходимую для разработки эффективного плана поисковых мероприятий, основным направлением которого является поиск на конкретных местах и конкретных полигонах поиска, определенных на основе анализа списка входящих телефонных звонков жертв и контекстного анализа, проведенного различными органами власти.

4.10 Государство-участник подчеркивает, что оно не прекращало работы по установлению местонахождения г-на Мендосы Берроспе с тех пор, как ему стали известны факты его исчезновения, в том числе используя в качестве стратегического направления расследования этого дела сотрудничество с общественностью, предлагая денежное вознаграждение всем, кто представит правдивую и полезную информацию о местонахождении г-на Мендосы Берроспе и о тех, кто, возможно, несет ответственность за его исчезновение.

Комментарии автора сообщения к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих комментариях к замечаниям государства-участника от 23 сентября 2022 года автор подтверждает свое заявление о том, что она действует в полном соответствии с правилом, предусмотренным в пункте 2 b) статьи 31 Конвенции.

5.2 Что касается ходатайства о применении процедуры ампаро, то автор сообщения утверждает, что возможности этой процедуры были исчерпаны и она оказалась неэффективной в плане поиска и установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе. Об этом говорит то, что судья ограничился рассылкой и получением официальных писем, приостановил поиски в связи с отрицательными ответами различных инстанций и обусловил действие процедуры ампаро явкой автора сообщения в течение одного года, после чего он прекратил поиски. Что касается уголовного расследования, то автор вновь заявляет, что его продолжительность превысила разумные сроки.

5.3 В отношении расследования по линии Федеральной прокуратуры, упомянутого государством-участником в качестве неиспользованного внутреннего средства правовой защиты (см. п. 4.3), автор сообщения подчеркивает, что первый план расследования, связанный с исчезновением г-на Мендосы Берроспе, был принят лишь в ноябре 2020 года. Она также отмечает, что только тогда была сформулирована гипотеза о насильственном исчезновении, совершенном государственными служащими штата Веракрус. Автор сообщения утверждает, что по прошествии более восьми лет с момента исчезновения г-на Мендосы Берроспе следствие так и не прояснило факты этого преступления, никто из виновных или ответственных за это исчезновение лиц не был установлен и, соответственно, никто из них не стал фигурантом уголовного расследования и никто не был обвинен.

5.4 Автор сообщения подчеркивает, что Комитет по правам человека в своей практике признавал, что в ситуациях, когда внутренние средства правовой защиты не приводят к заключению об исчезновении человека или в соответствующем расследовании не достигнут значительный прогресс в течение пяти, семи или почти девяти лет, а государство-участник не обосновало эту задержку, такая задержка является неоправданно затянутой¹¹. Автор повторяет, что в случае с г-ном Мендосой Берроспе государство-участник не обосновало задержку, ограничившись общим заявлением о том, что федеральное расследование еще не завершено.

5.5 По существу сообщения автор отмечает, что, как признало государство-участник, исчезновение г-на Мендосы Берроспе расследовалось как незаконное лишение свободы, которое «вероятнее всего, было совершено организованной преступной группой» (см. п. 4.2). По этому поводу автор указывает на то важное обстоятельство, что в ходе двух уголовных расследований показания свидетелей были

¹¹ *Мора Маркес и другие против Боливарианской Республики Венесуэла (CCPR/C/128/D/3018/2017)*, п. 8.4; *Сарма и др. против Шри-Ланки (CCPR/C/78/D/950/2000)*, п. 6.3; и *Падилья Гарсия и другие против Мексики (CCPR/C/126/D/2750/2016)*, п. 8.4.

последовательны и непротиворечивы, свидетели поддерживали свои версии показаний в различных инстанциях, даже несмотря на то, что их показания были собраны с задержкой. Автор добавляет, что, согласно этим показаниям, задержание г-на Мендосы Берроспе было произведено сотрудниками полиции Веракруса и что уголовные расследования не опровергли эти показания и не отметили в них никакой противоречивости.

5.6 Автор также подчеркивает, что даже сами власти указывают на причастность к происшествию сотрудников служб государства-участника, квалифицируя его как насильственное исчезновение. Она утверждает, что еще в 2015 году Генеральная прокуратура провела анализ пяти случаев исчезновения людей, включая исчезновение г-на Мендосы Берроспе, и пришла к заключению, что упомянутые люди, предположительно, были похищены сотрудниками полиции штата и/или Агентства расследований штата Веракрус. Автор добавляет, что в плане расследований Генеральной прокуратуры Республики от ноября 2020 года преступление насильственного исчезновения людей, приписываемое государственным служащим штата Веракрус, было сформулировано как одна из версий расследования. Автор также отмечает, что в контекстном анализе Комиссии по розыску пропавших без вести людей штата Веракрус от декабря 2020 года и июля 2022 года соответственно было указано, что исчезновение г-на Мендосы Берроспе было совершено «в рамках операции “Веракрус сегуро” (Veracruz Seguro) и конкретно во время выполнения задач по обеспечению безопасности в рамках операции “Гуадалупе-Рейес” (Guadalupe-Reyes), проводившейся подразделениями полиции» и что оно было «совершено группой сотрудников служб безопасности [военно-морского флота], [Министерства национальной обороны], [Министерства общественной безопасности] и [Агентства расследований штата Веракрус]»¹².

5.7 По поводу нарушения статьи 12 Конвенции автор сообщения утверждает, что в случаях насильственного исчезновения «по мере течения времени с момента совершения преступления прямо пропорционально уменьшаются, а в некоторых случаях даже утрачиваются возможности получения доказательств или свидетельских показаний, касающихся соответствующего преступления»¹³. Автор также утверждает, что соответствующие прокуратуры не приступили к расследованию насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе сразу же, как только им стало об этом известно, и даже впоследствии не провели тщательного расследования.

5.8 Что касается расследования, проведенного прокуратурой штата Веракрус, то автор повторяет свое заявление о том, что прокуратура лишь распорядилась провести осмотр дома г-на Мендосы Берроспе и этот осмотр был проведен почти через полтора года после подачи жалобы относительно рассматриваемого преступления. В результате осмотра не было получено никаких доказательств, кроме фотографий дома. Автор добавляет, что свидетельства очевидцев преступления были собраны только по прошествии одного–двух лет после подачи жалобы. Автор сообщения также указывает, что единственная проверка сотрудников полиции города Веракрус была проведена более чем через два года после подачи жалобы и ограничилась просмотром журнала учета задержаний, а показания офицеров военно-морской полиции, находившихся в составе патрулей, которые могли быть причастны к делу, были собраны лишь через два–три года после подачи жалобы. Автор утверждает, что не был выполнен целый ряд необходимых процедур, таких как запрос информации с камер видеонаблюдения, расположенных на соответствующих улицах, и запрос записей переговоров патрулей, которые общались по рации. Кроме того, не были проведены процедуры опознания патрулей, хотя очевидцы подробно рассказывали о них и предлагали их опознать.

¹² Gobierno del estado de Veracruz, Comisión Estatal de Búsqueda, Análisis de contexto de las desapariciones forzadas perpetradas en el puerto de Veracruz en diciembre de 2013, caso *Formando Hogar*, Julio de 2022, pág. 72.

¹³ Corte Interamericana de Derechos Humanos, caso *Contreras y otros vs. El Salvador*, sentencia de 31 de agosto de 2011, párr. 145.

5.9 В отношении расследования Генеральной прокуратуры автор указывает, что в основном оно состояло в запоздалом сборе свидетельских показаний и запросе информации, которая до того уже запрашивалась в период 2016–2019 годов, без анализа полученных ответов и без составления плана расследования. Автор добавляет, что первый план расследования, в котором впервые была сформулирована гипотеза о совершении акта насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе государственными служащими штата Веракрус, был составлен только в ноябре 2020 года. Автор также утверждает, что Федеральная прокуратура переквалифицировала преступление в насильственное исчезновение только 16 июля 2021 года и только тогда начала расследовать факты преступления как насильственного исчезновения.

5.10 Что касается нарушения статьи 24 Конвенции, то автор вновь заявляет, что судья в рамках косвенного разбирательства по делу об ампаро не провел проверку на местах (*in situ*) в расположении полицейских подразделений, участвовавших в задержании¹⁴. Автор подчеркивает, что суд также не применил дифференцированный подход, учитывающий тот факт, что на момент исчезновения г-н Мендоса Берроспе был несовершеннолетним¹⁵. Она добавляет, что тот факт, что суд закрыл дело ампаро, не согласуется с принципами поиска пропавших без вести лиц, а именно с требованием о том, что розыскные действия должны проводиться *ex officio*¹⁶, что их проведение не может зависеть от наличия информации со стороны родственников или заявителей¹⁷, и что приостановление поиска пропавшего без вести лица не может привести к закрытию дела или прекращению расследования преступления¹⁸.

5.11 Автор сообщения утверждает, что произведенная в 2014 году регистрация исчезновения г-на Мендосы Берроспе в Национальном реестре исчезнувших и пропавших без вести лиц (см. п. 4.7) не означает, что с этой даты существовали определенная стратегия или план розыскных действий. Она повторяет, что у прокуратуры штата никакого утвержденного плана не было, а Генеральная прокуратура приняла свой первый план только в ноябре 2020 года. Что касается плана розыска г-на Мендосы Берроспе (см. п. 4.8), составленного Национальной комиссией по поиску пропавших без вести, то он был принят только в феврале 2022 года, т. е. спустя почти четыре года после того, как Национальная комиссия была проинформирована об исчезновении г-на Мендосы Берроспе. Упомянутый план был направлен в прокуратуру только через пять месяцев после его принятия, и на дату представления данных комментариев никаких процедур по расследованию выявленных и представляющих интерес событий не проводилось. Что касается реализации плана, разработанного Комиссией штата Веракрус по поиску исчезнувших лиц (см. пункт 4.8), то мероприятия, проведенные в апреле 2022 года, осуществлялись бессистемно, так как в местной прокуратуре не было плана, на который бы ориентировались розыскные действия.

5.12 Автор утверждает, что все это свидетельствует о том, что государство-участник в нарушение пункта 3 статьи 24 Конвенции не инициировало розыскные мероприятия незамедлительно, без каких-либо задержек или проволочек, и не приняло надлежащих мер для розыска, установления местонахождения и освобождения исчезнувшего г-на Мендосы Берроспе, если он будет найден живым. В нарушение пунктов 4 и 5 статьи 24 Конвенции государство-участник не упоминает о возмещении ущерба, нанесенного ближайшим родственникам г-на Мендосы Берроспе, которые до сих пор не получили возмещения ни в какой форме.

5.13 Автор просит Комитет настоятельно призвать государство-участник:

а) обеспечить тщательное и всестороннее расследование исчезновения г-на Мендосы Берроспе как дела, касающегося насильственного исчезновения, серьезно рассмотреть гипотезы о причастности сотрудников полиции штата Веракрус

¹⁴ A/72/56, п. 78 d).

¹⁵ CED/C/7, приложение, принцип 4, пп. 1 и 2.

¹⁶ Там же, принцип 6, п. 2.

¹⁷ Там же, принцип 6, п. 3.

¹⁸ Там же, принцип 7, п. 5.

к его исчезновению в рамках полицейской операции «Веракрус seguro», проводившейся в декабре 2013 года, и расследовать цепочки служебной подчиненности ее участников;

b) осуществить преследование, предать суду и наказать непосредственных исполнителей и лиц, ответственных за насильственное исчезновение г-на Мендосы Берроспе;

c) обеспечить оперативный поиск г-на Мендосы Берроспе при эффективной координации действий Генеральной прокуратуры штата Веракрус, Федеральной прокуратуры, Комиссии по поиску пропавших без вести лиц штата Веракрус и Национальной комиссии по поиску пропавших без вести, должным образом применяя в процессе розыскных работ дифференцированный подход, учитывающий, что на момент исчезновения г-на Мендоса Берроспе был несовершеннолетним; поиск должен продолжаться до тех пор, пока судьба и/или местонахождение г-на Мендосы Берроспе не будут полностью установлены;

d) предоставить автору сообщения и другим ближайшим родственникам г-на Мендосы Берроспе быстрое, справедливое и адекватное возмещение нанесенного им ущерба и компенсации в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 24 Конвенции;

e) принять все необходимые меры для реализации гарантий неповторения, предусмотренных в пункте 5 d) статьи 24 Конвенции, с тем чтобы предотвратить повторение событий, подобных насильственному исчезновению г-на Мендосы Берроспе.

Рассмотрение сообщения Комитетом

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 31 Конвенции.

6.2 Комитет отмечает, что факты, лежащие в основе утверждений автора сообщения, представленных Комитету, начали действовать в декабре 2013 года, т. е. после 23 декабря 2010 года, когда Конвенция вступила в силу для государства-участника. Комитет напоминает, что обязательства государства-участника по Конвенции вступают в силу с даты вступления Конвенции в силу для этого государства-участника¹⁹. Это означает, что на момент начала предполагаемого насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе международные обязательства государства-участника по Конвенции уже существовали и поэтому пункт 1 статьи 35 Конвенции не является препятствием для отнесения рассматриваемого сообщения к компетенции Комитета. Кроме того, хотя государство-участник заявило, что оно признает компетенцию Комитета получать и рассматривать индивидуальные сообщения в соответствии со статьей 31 Конвенции 2 октября 2020 года, Комитет напоминает о насильственных исчезновениях как длящихся преступлениях²⁰, а также о том, что предполагаемое насильственное исчезновение г-на Мендосы Берроспе продолжается до сих пор. Учитывая это, Комитет приходит к выводу, что с точки зрения компетенции *ratione temporis* нет никаких препятствий для рассмотрения настоящего сообщения.

¹⁹ E. L. A. c. *Francia*, párr. 6.2.

²⁰ См. п. 1 b) Конвенции. См. также Комитет по правам человека, *Падилья Гарсия и другие против Мексики*, п. 9.5; *Идальго Реа против Мексики* (CCPR/C/131/D/3259/2018), п. 9.5; доклад Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям, замечание общего порядка по вопросу о насильственном исчезновении как длящемся преступлении (A/HRC/16/48, п. 39); и Corte Interamericana de Derechos Humanos, *Radilla Pacheco vs. México*, sentencia de 23 de noviembre de 2009, párrs. 140 y ss.

6.3 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым в соответствии с пунктом 2 d) статьи 31 Конвенции, поскольку не были исчерпаны все имеющиеся средства правовой защиты (см. пп. 4.2 и 4.3). Государство-участник утверждает, что предварительное расследование Генеральной прокуратуры Республики еще не завершено, о чем свидетельствуют различные процессуальные действия, которые продолжаются и находятся в процессе рассмотрения (см. п. 4.3). Наряду с этим Комитет принимает к сведению довод автора сообщения о том, что косвенное разбирательство по процедуре ампаро в связи с розыском г-на Мендосы Берроспе было исчерпано и оказалось неэффективным и что уголовные расследования по линии местной и федеральной прокуратур превысили разумные сроки (см. пп. 3.5 и 5.2). Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что более чем за восемь лет, истекших после того, как произошло насильственное исчезновение г-на Мендосы Берроспе, и после подачи жалобы по этому поводу, проводимые расследования не дали никаких результатов и что государство-участник не обосновало задержку в рассмотрении данного дела, ограничившись общим заявлением о том, что расследование по одному из находящихся на рассмотрении предварительных следственных дел еще не завершено (см. пп. 3.5 и 5.4).

6.4 Комитет напоминает, что цель требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты состоит в том, чтобы предоставить самому государству-участнику возможность выполнить свою обязанность по защите и гарантированию прав, закрепленных в Конвенции²¹. Комитет также напоминает, что, согласно пункту 2 d) статьи 31 самой Конвенции, это правило не действует, когда применение таких средств неоправданно затягивается и превышает разумные сроки²². Комитет также напоминает, что в соответствии с этим правилом внутренние средства правовой защиты, подлежащие исчерпанию, должны быть эффективными и доступными²³. При наличии должным образом обоснованных утверждений об исчерпании внутренних средств правовой защиты или об исключениях, применимых к данному правилу, именно государству-участнику надлежит указать, какие внутренние средства правовой защиты являются эффективными и их применение не превышает разумных сроков²⁴.

6.5 В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник утверждает, что расследования, начатые существовавшей тогда Генеральной прокуратурой Республики (см. п. 4.3), не были исчерпаны в качестве единственного средства правовой защиты. Вместе с тем Комитет отмечает, что государство-участник не отреагировало на утверждения автора о том, что уголовные расследования, включая расследование, проводимое на федеральном уровне, превысили разумные сроки, не добившись существенного прогресса или значимых результатов (пп. 3.5, 5.3 и 5.4). В этой связи Комитет отмечает, что, хотя любое уголовное расследование должно проводиться в рамках процесса, продолжительность которого зависит от сложности каждого дела, применение правила предварительного исчерпания внутренних средств правовой защиты не должно приводить к необоснованным задержкам в разрешении дела, лишаящим жертв эффективного доступа к международной инстанции, каковой является Комитет. В частности, Комитет принимает к сведению аргумент автора сообщения о том, что первый план расследования в отношении исчезновения г-на Мендосы Берроспе на федеральном уровне был принят только в ноябре 2020 года, т. е. через шесть лет после подачи автором жалобы в феврале 2014 года. Учитывая неспособность государства-участника обосновать предполагаемую задержку в проведении расследования, Комитет считает, что, будучи задействованным уже почти девять лет после подачи жалобы на федеральном уровне, это средство правовой защиты превысило разумные сроки судопроизводства и не должно быть исчерпано для целей приемлемости настоящего сообщения. Соответственно, Комитет считает, что в

²¹ Комитет по правам человека, *Идальго Реа против Мексики*, п. 8.4.

²² *Ируста и Ируста против Аргентины*, п. 8.5. См. также Правила процедуры Комитета по насильственным исчезновениям (CED/C/1), правило 65, п. 3 е).

²³ *Ируста и Ируста против Аргентины*, пп. 8.5–8.7; и *E. L. A. c. Francia*, párr. 6.5.

²⁴ *Ируста и Ируста против Аргентины*, пп. 8.5–8.7; и *E. L. A. c. Francia*, párr. 6.5.

данном случае норма пункта 2 d) статьи 31 Конвенции не препятствует признанию настоящего сообщения приемлемым.

6.6 Комитет считает, что автор сообщения не смогла обосновать свои утверждения для целей приемлемости в соответствии с пунктом 3 статьи 23 Конвенции (см. пп. 3.3 и 5.12), и объявляет их неприемлемыми²⁵.

6.7 Комитет отмечает, что приведенные факты и другие утверждения автора, касающиеся предполагаемого насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе, непроведения оперативных и тщательных розыскных действий и расследований, отсутствия доступа к правдивой информации об обстоятельствах его исчезновения и к средствам правовой защиты для жертв, являются надлежащим образом обоснованными для целей приемлемости сообщения. Соответственно, в отсутствие каких-либо иных препятствий для признания сообщения Комитет объявляет его приемлемым как поднимающее вопросы по статьям 1, 2, пункту 1 статьи 12 и пунктам 2, 3, 4 и 5 статьи 24 Конвенции в отношении г-на Мендосы Берроспе и по пункту 1 статьи 12 и пунктам 2, 3, 4 и 5 статьи 24 Конвенции в отношении автора сообщения и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

7.2 В данном случае Комитет должен определить, являются ли действия, которым подвергся г-н Мендоса Берроспе, насильственным исчезновением по смыслу статьи 2 Конвенции. Комитет напоминает, что, согласно этой статье, насильственное исчезновение начинается с задержания, ареста, похищения или лишения свободы в любой другой форме представителями государства или лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства. В свою очередь, чтобы считать исчезновение насильственным, за лишением свободы должен последовать отказ признать факт лишения свободы или сокрытие данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо остается без защиты закона²⁶.

7.3 Комитет принимает к сведению утверждение автора сообщения о том, что г-н Мендоса Берроспе стал жертвой насильственного исчезновения, поскольку он был лишен свободы представителями государства-участника, затем последовал отказ признать факт лишения его свободы, и в результате г-н Мендоса Берроспе был выведен из-под защиты закона (см. п. 3.1). Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает описание фактов, связанных с задержанием г-на Мендосы Берроспе, в терминах, описанных автором, и не представило информации, отвергающей причастность к происшествию сотрудников служб государства-участника, но подчеркивает, что, поскольку на момент представления замечаний не было установлено, что операцию проводили «сотрудники полиции или военнослужащие», представленное событие расследовалось «как незаконное лишение свободы, которое, вероятнее всего, было совершено организованной преступной группой» (см. п. 4.2). Комитет напоминает, что бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, поскольку предполагаемые жертвы и государство-участник не всегда имеют равный доступ к элементам доказательств, а зачастую необходимыми сведениями располагает только государство-участник²⁷. Иными словами, когда доказательства имеются в распоряжении государства-участника, его защита не может основываться на неспособности авторов представить доказательства, которые не могут быть получены без сотрудничества государства-

²⁵ См., *a contrario sensu*, E. L. A. c. Francia, párr. 6.8.

²⁶ *Ируста и Ируста против Аргентины*, п. 10.3.

²⁷ Комитет по правам человека, *Идальго Реа против Мексики*, п. 9.2; *Падилья Гарсия и другие против Мексики*, п. 9.3; *Гьян Болакхе и другие против Непала* (CCPR/C/123/D/2658/2015), п. 7.4; *Миллис против Алжира* (CCPR/C/122/D/2398/2014), п. 7.3.

участника²⁸. Комитет также считает, что при наличии достаточных прямых или косвенных доказательств причастности к исчезновению людей сотрудников государственных служб государства-участника, бремя доказывания переносится на государство-участник, и государство-участник посредством проведения расследования на основе должной тщательности²⁹ должно опровергнуть соответствующие доказательства и опровергнуть тот факт, что исчезновение может быть вменено ему в вину либо в результате прямого участия в нем государственных должностных лиц, либо в результате действий лиц, действующих с разрешения, при поддержке или попустительстве государства.

7.4 В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что г-н Мендоса Берроспе был похищен людьми, которые с применением насилия ворвались в его дом 11 декабря 2013 года примерно в 14:30 (см. п. 2.1). Согласно этим утверждениям, мужчины были одеты в полицейские ботинки, бронежилеты с надписью «Полиция» на груди и на спине, и во время задержания там, якобы, находились автомобили военно-морской полиции с включенными мигалками, некоторые с закрытыми номерами патрулей, которые позже были замечены вместе с патрульными автомобилями полиции штата Веракрус (см. пп. 2.1 и 2.2). Комитет также принимает к сведению аргумент автора сообщения о том, что заявления очевидцев различным должностным лицам о причастности к происшествию сотрудников полиции штата Веракрус были последовательны и непротиворечивы между собой и что проведенные расследования не опровергли эти показания и не выявили их какой-либо непоследовательности (см. п. 5.5). Комитет также отмечает, что контекстуальные анализы Комиссии по поиску пропавших без вести людей штата Веракрус от декабря 2020 года и июля 2022 года указывают на то, что исчезновение г-на Мендосы Берроспе было совершено в контексте операций по обеспечению безопасности, с участием сотрудников полиции и сил безопасности (см. п. 5.6). В свете вышеизложенного Комитет считает, что автор представила достаточные доказательства, убедительно указывающие на непосредственную причастность представителей государственных служб к исчезновению г-на Мендосы Берроспе и на то, что за исчезновением последовал отказ государственных служб признать этот факт лишения свободы или сокрытия данных о его судьбе или местонахождении, вследствие чего г-н Мендоса Берроспе был оставлен без защиты закона по смыслу статьи 2 Конвенции. В этом контексте Комитет должен определить, опровергло ли государство-участник указанные доказательства на основе тщательно проведенного расследования и доказало ли оно свою непричастность к приписываемому ему исчезновению г-на Мендосы Берроспе.

7.5 Комитет напоминает, что после получения сообщения о якобы имевшем место исчезновении, в соответствии с договорными обязательствами, предусмотренными в статьях 12 и 24 Конвенции, государства-участники обязаны немедленно разработать всеобъемлющую стратегию, включающую в себя план действий и примерные сроки проведения исчерпывающего розыска исчезнувшего лица и учитывающую всю имеющуюся информацию, включая контекст, в котором произошло предполагаемое исчезновение³⁰. В частности, такая стратегия должна периодически оцениваться и соответствовать требованиям должной осмотрительности на всех этапах процесса розыска (включая требования неформальности, оперативности и тщательности расследования); также должна быть обеспечена компетентность и независимость участвующих в реализации стратегии специалистов³¹. Кроме того, государства-участники должны обеспечить, чтобы принятая стратегия определяла действия, которые должны быть предприняты комплексным, эффективным и

²⁸ Corte Interamericana de Derechos Humanos, caso González y otras (“Campo Algodonero”) vs. México, sentencia de 16 de noviembre de 2009, párr. 179.

²⁹ Комитет по правам человека, *Идальго Реа против Мексики*, п. 9.3; *Падилья Гарсия и другие против Мексики*, п. 9.4; *Вальдес Канту и другие против Мексики* (CCPR/C/127/D/2766/2016), п. 12.4; и Corte Interamericana de Derechos Humanos, caso Velásquez Rodríguez vs. Honduras, sentencia de 29 de julio de 1988, párrs. 115 y 147.

³⁰ CED/C/19/2, п. 11.

³¹ Там же, и CED/C/7, приложение, принципы 6, 7 и 8.

скоординированным образом, и чтобы при ее реализации имелись необходимые и адекватные средства и процедуры для установления местонахождения исчезнувшего лица и проведения расследования в отношении лиц, ответственных за его исчезновение³². Комитет также напоминает, что такая стратегия должна предусматривать дифференцированный подход и что все этапы поиска должны осуществляться при полном уважении особых потребностей жертвы³³. Наконец, Комитет напоминает, что государство-участник должно принять все необходимые меры для расследования и организации преследования представителей органов власти за любые действия или вмешательство, затрудняющие проведение эффективных расследований и поиска³⁴.

7.6 Что касается расследования, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что было проведено тщательное, эффективное и беспристрастное межведомственное расследование исчезновения г-на Мендосы Берроспе с целью установления его судьбы или местонахождения и выявления виновных с целью привлечения их к ответственности (см. п. 4.5). Вместе с тем Комитет принимает к сведению довод автора сообщения о том, что соответствующие органы прокуратуры не приступили к расследованию незамедлительно (см. п. 5.7). В частности, Комитет отмечает, что осмотр дома г-на Мендосы Берроспе по распоряжению Генеральной прокуратуры штата Веракрус был проведен лишь спустя почти полтора года после подачи жалобы относительно исчезновения г-на Мендосы Берроспе; что показания очевидцев были собраны в течение одного–двух лет после подачи жалобы; что показания сотрудников военно-морской полиции, которые, как утверждается, участвовали в патрулировании, были собраны спустя почти два–три года после подачи жалобы; что не были выполнены различные процедуры, такие как получение видеозаписей с камер наблюдения и записей переговоров патрулей и опознание патрулей, о которых сообщили очевидцы (см. п. 5.8). Комитет далее отмечает, что лишь в ноябре 2020 года Генеральная прокуратура Республики приняла первый план расследования исчезновения г-на Мендосы Берроспе и только тогда, т. е. через шесть лет после подачи автором сообщения жалобы в феврале 2014 года (см. пп. 5.3 и 6.5), она приступила к расследованию фактов дела как насильственного исчезновения.

7.7 В свете вышеизложенной информации Комитет отмечает, что государство-участник не обосновало задержки с проведением расследования и поисковых работ. В частности, Комитет отмечает, что подавляющее большинство основных следственных действий, упомянутых государством-участником, выполнены после 2019 года, т. е. лишь спустя почти шесть лет после исчезновения г-на Мендосы Берроспе. С учетом этого факта Комитет приходит к выводу, что он не может считать, что власти незамедлительно приступили к проведению тщательного и беспристрастного расследования исчезновения г-на Мендосы Берроспе, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 12 Конвенции. На этом основании Комитет делает вывод о том, что государство-участник не опровергло доказательства, представленные автором сообщения, и не опровергло, на основе тщательно проведенного расследования, утверждение о том, что г-н Мендоса Берроспе, возможно, был задержан представителями государства-участника (см. п. 7.5). В этой связи Комитет хотел бы напомнить, что расследование должно проводиться серьезно, а не как простая формальность, заранее обреченная на безрезультатность³⁵. Оно не может зависеть от процессуальной инициативы жертвы или ее родственников или от представления доказательств в частном порядке; государство-участник должно эффективно добиваться установления истины³⁶. Соответственно, Комитет считает, что исчезновение г-на Мендосы Берроспе представляет собой насильственное исчезновение в соответствии со статьей 2 Конвенции. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что факты настоящего дела свидетельствуют о

³² CED/C/19/2, п. 11; и CED/C/7, приложение, принципы 10, 11 и 12.

³³ CED/C/19/2, п. 20; и CED/C/7, приложение, принцип 14.

³⁴ CED/C/7, приложение, принцип 15.

³⁵ Corte Interamericana de Derechos Humanos, *Velásquez Rodríguez vs. Honduras*, párr. 177.

³⁶ *Ibid.*

нарушении статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьей 2, и пункта 1 статьи 12 Конвенции.

7.8 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что как Генеральная прокуратура Республики, так и Четвертый окружной суд штата Веракрус предприняли необходимые действия по выяснению местонахождения г-на Мендосы Берроспе (см. п. 4.6). В частности, суд запросил справки и направил официальные письма в различные инстанции, но ему так и не удалось установить, что к исчезновению г-на Мендосы Берроспе причастен какой-либо орган следствия, полиции и/или военный орган (см. п. 4.6). Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что дело г-на Мендосы Берроспе было проанализировано в соответствии с положениями Стандартного протокола розыска по типовым схемам, что должно было способствовать формулированию гипотезы о его местонахождении и выработке эффективных стратегий розыска (см. п. 4.7). Наконец, Комитет принимает к сведению информацию государства-участника, касающуюся прогресса в рассмотрении дела в 2022 году, в том числе относительно материалов анализа контекста, плана розыска и предложений по рабочему плану розыскных работ с указанием сроков (см. пп. 4.8 и 4.9). Наряду с этим Комитет принимает к сведению также утверждение автора сообщения о том, что государство-участник не инициировало розыскные работы незамедлительно и что такие работы были запоздалыми, рутинными, прерывистыми и нескоординированными (см. пп. 3.4 и 5.12). В частности, Комитет принимает к сведению утверждение автора сообщения о том, что в ходе судебных процедур не было проведено исчерпывающих инспекций на местах имеющих отношение к делу мест лишения свободы, что в процессе розыска г-на Мендосы Берроспе не применялся дифференцированный подход, учитывающий тот факт, что на момент исчезновения г-на Мендоса Берроспе был несовершеннолетним и что розыск г-на Мендосы Берроспе был приостановлен (см. п. 5.10). Наконец, Комитет принимает к сведению утверждение автора сообщения о том, что прокуратура штата Веракрус так и не приняла план проведения розыска; что план Национальной комиссии по поиску пропавших без вести был представлен лишь в феврале 2022 года, при этом на момент подачи комментариев автора по представляющим особый интерес вопросам не было предпринято никаких конкретных действий; и что в мероприятиях, проводившихся в рамках плана работы Комиссии штата Веракрус по розыску пропавших без вести лиц Стандартный протокол розыска применялся лишь формально, поскольку у прокуратуры штата не было плана расследования с четко сформулированной гипотезой, необходимой для ориентации розыска (см. п. 5.11).

7.9 В данном случае Комитет считает, что меры, принятые в рамках косвенного судебного иска по процедуре ампаро, не были надлежащими для розыска и установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе, поскольку они не включали в себя, как минимум, посещение мест, в которых предположительно могла содержаться под стражей жертва, для непосредственного сбора информации³⁷. Комитет также считает, что ни при каких обстоятельствах приостановление поиска пропавшего без вести лица не может привести к закрытию дела или прекращению расследования преступления до тех пор, пока его судьба и/или местонахождение не будут точно определены³⁸. Комитет отмечает, что 9 февраля 2016 года Комитет зарегистрировал просьбу о принятии срочных мер в связи с исчезновением г-на Мендосы Берроспе и пяти других лиц, и в частности о проведении государством-участником розыскных работ, аналогичных тем, которые описаны в пункте 7.5. Комитет также подчеркивает, что именно в связи с одной из таких срочных мер Верховный суд государства-участника признал обязательный характер рекомендаций, принятых Комитетом в контексте процедуры срочных действий в соответствии с положениями статьи 30 Конвенции, и призвал ответственные органы власти выполнять все принятые Комитетом рекомендации, касающиеся срочных действий, поскольку «их обязательный характер для мексиканского государства не вызывает

³⁷ См. CED/C/19/2; CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párr. 59; и A/72/56, п. 78 d).

³⁸ CED/C/7, приложение, принцип 7, п. 5.

сомнений»³⁹. Комитет также напоминает заявление Верховного суда о том, что компетенция Комитета «предписывать срочные действия и контролировать их исполнение, несомненно, полностью соответствует нормативному содержанию Конвенции [...], так что эту компетенцию Комитета следует понимать как часть положений, которые Мексика приняла при подписании и ратификации Конвенции и включила в свою внутреннюю правовую систему»⁴⁰, в том числе «обязательство принимать срочные меры по розыску исчезнувших лиц с использованием всех имеющихся институциональных возможностей при всесторонней институциональной координации, необходимой для достижения соответствующей цели»⁴¹. Вместе с тем Комитет отмечает, что подавляющее большинство существенных розыскных действий, упомянутых государством-участником, приходится на период после 2021 года, т. е. спустя почти восемь лет после исчезновения г-на Мендосы Берроспе. В свете вышеизложенного Комитет считает, что государство-участник не может считаться принявшим все надлежащие меры для розыска и установления местонахождения г-на Мендосы Берроспе в соответствии с пунктом 3 статьи 24 Конвенции, и приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении таким образом прав г-на Мендосы Берроспе и автора сообщения.

7.10 Что касается остальных утверждений, касающихся нарушения положений статьи 24 Конвенции, то Комитет принимает к сведению доводы автора сообщения о том, что, будучи родственником исчезнувшего лица, она все еще не знает правды об обстоятельствах исчезновения г-на Мендосы Берроспе, что она не получила никакого возмещения нанесенного ей ущерба и что государство-участник не упоминало о каких-либо мерах по возмещению ущерба (см. пп. 3.4 и 5.12). Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что с родственниками г-на Мендосы Берроспе поддерживалась связь через его законного представителя и проводились последующие мероприятия и что в марте 2022 года была проведена встреча с его родственниками (см. п. 4.9). Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в действующем законодательстве предусмотрены меры по оказанию жертвам исчезновений внимания, помощи, защиты, а также всестороннего возмещения ущерба и предоставления гарантий неповторения (см. п. 4.4).

7.11 В рассматриваемом деле спустя более девяти лет с момента исчезновения человека ни автор сообщения, ни общество Мексики не знают правды о том, что произошло с г-ном Мендосой Берроспе. Ни родственникам жертвы, ни мексиканскому обществу не известны имена лиц, ответственных за это преступление, и им не было предоставлено достаточной информации об обстоятельствах исчезновения жертвы. Все причастные к исчезновению г-на Мендосы Берроспе скрываются за завесой безнаказанности. Поэтому с учетом того, что уже было сказано об организации расследования и розыска (см. п. 7.7), Комитет считает, что государство-участник не приняло адекватных мер для реализации права г-на Мендосы Берроспе и автора сообщения, в соответствии с пунктом 2 статьи 24 Конвенции, знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения г-на Мендосы Берроспе. В отсутствие каких-либо сообщений государства-участника о принятых мерах по возмещению ущерба Комитет считает, что правовая система государства-участника не может считаться обеспечивающей для жертв насильственного исчезновения их право на получение быстрого, справедливого и адекватного возмещения нанесенного им ущерба и компенсации в соответствии с пунктом 4, рассматриваемым в совокупности с пунктом 5 статьи 24 Конвенции. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что факты настоящего дела свидетельствуют о нарушении прав г-на Мендосы Берроспе и автора сообщения, установленных в пунктах 2 и 4, рассматриваемых в совокупности с пунктом 5 статьи 24 Конвенции.

³⁹ Suprema Corte de Justicia de la Nación, amparo en revisión núm. 1077/2019, sentencia de 16 de junio de 2021, párr. 145.

⁴⁰ *Ibid.*, párr. 122.

⁴¹ *Ibid.*, párr. 72.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 31 Конвенции, приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 1 в совокупности со статьей 2, пункта 1 статьи 12, пунктов 2 и 3 статьи 24 и пункта 4 в совокупности с пунктом 5 статьи 24 Конвенции в отношении г-на Мендосы Берроспе, а также пункта 1 статьи 12, пунктов 2 и 3 статьи 24 и пункта 4 в совокупности с пунктом 5 статьи 24 в отношении автора сообщения.

9. В соответствии с пунктом 5 статьи 31 Конвенции Комитет настоятельно призывает государство-участник:

a) обеспечить тщательное и всестороннее расследование насильственного исчезновения и розыск г-на Мендосы Берроспе, серьезно рассмотреть гипотезы, касающиеся причастности к этому исчезновению сотрудников полиции штата Веракрус, и расследовать действия соответствующих цепочек служебного подчинения, обеспечив, в частности, всестороннюю координацию деятельности всех соответствующих органов и применение адекватного дифференцированного подхода;

b) привлечь к ответственности, предать суду и наказать виновных и лиц, ответственных за совершенные нарушения, во всех причастных элементах цепочек служебного подчинения;

c) предоставить жертвам исчезновения быстрое, справедливое и адекватное возмещение нанесенного им ущерба и компенсацию в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 24 Конвенции;

d) принять все необходимые меры для реализации гарантий неповторения, предусмотренных в пункте 5 d) статьи 24 Конвенции, в соответствии с рекомендациями, приведенными Комитетом в его докладе о посещении государства-участника в соответствии со статьей 33 Конвенции⁴².

10. Государству-участнику также настоятельно рекомендуется опубликовать настоящие выводы и широко распространить их содержание, в частности, но не исключительно, среди соответствующих органов федеральной власти и властей штатов, в том числе среди сотрудников органов безопасности и судебных органов.

11. Комитет просит государство-участник в течение шести месяцев с даты препровождения настоящих выводов представить информацию о мерах, принятых им для выполнения изложенных выше рекомендаций.

⁴² CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 31 a 37.

Anexo

Voto particular (parcialmente concurrente) de Juan Pablo Albán-Alencastro, miembro del Comité

1. He concurrido con mis colegas, el 24 de marzo de 2023, Día Internacional del Derecho a la Verdad, en la adopción de este dictamen. Considero que la ocasión es propicia para plantear unas reflexiones en torno al derecho a la verdad, cuestión que aún no ha sido suficientemente desarrollada en la jurisprudencia del Comité.
2. La Convención, cuya supervisión de cumplimiento se nos ha encomendado, es el primer tratado de derechos humanos en recoger de manera explícita el derecho a la verdad, en su artículo 24 (2), en los siguientes términos: “Cada víctima tiene el derecho de conocer la verdad sobre las circunstancias de la desaparición forzada, la evolución y resultados de la investigación y la suerte de la persona desaparecida”.
3. Pero el derecho a la verdad no surgió con la Convención. Su desarrollo ha transitado un largo camino desde la década de los 70, a través de su reconocimiento en instrumentos internacionales vinculantes y *soft law*¹, y, como principio emergente de derecho internacional², en pronunciamientos adoptados por órganos de supervisión de derechos humanos tanto a nivel regional como universal³.
4. Parte de tal desarrollo ha consistido en reconocer que el derecho a la verdad, más allá de una dimensión individual enfocada en la víctima particular, tiene una dimensión colectiva o pública relacionada con la sociedad en su conjunto.
5. En su informe sobre la cuestión de la impunidad de los autores de violaciones a derechos humanos, Louis Joinet planteó que “[...] el derecho de saber es también un derecho colectivo que tiene su origen en la historia para evitar que en el futuro las violaciones se reproduzcan”⁴.
6. Asimismo, la Comisión Interamericana de Derechos Humanos en su decisión sobre el caso *Ellacuría y otros*, estableció que: “El derecho a conocer la verdad con respecto a los hechos que dieron lugar a las graves violaciones de los derechos humanos [...] así como el derecho a conocer la identidad de quienes participaron en ellos, constituye una obligación

¹ Véase, por ejemplo, Artículos 32 y 33 del Protocolo I a los Convenios de Ginebra (1977); Principios 22.b y 24 de los Principios y directrices básicos sobre el derecho de las víctimas de violaciones manifiestas de las normas internacionales de derechos humanos y de violaciones graves del derecho internacional humanitario a interponer recursos y obtener reparaciones ([A/RES/60/147](#)), 16 de diciembre de 2005; y Principio 4 del Conjunto de principios actualizado para la protección y la promoción de los derechos humanos mediante la lucha contra la impunidad ([E/CN.4/2005/102/Add.1](#)), 8 de febrero de 2005.

² Véase, Méndez, J. E. (2006) “The Human Right to Truth”, en T. A. Borer (Ed.), *Telling the Truths: Truth telling and peace building in post-conflict societies* (pp. 115-150).

³ Véase, por ejemplo, Comité de Derechos Humanos, *Quinteros et al. v. Uruguay* ([CCPR/C/OP/2](#)), p. 138, párr. 14; Corte IDH, *Caso Velásquez Rodríguez*, sentencia de 29 de julio de 1988, Serie C No. 4, párr. 181; Tribunal Europeo de Derechos Humanos, *El-Masri c. la ex-República Yugoslava de Macedonia*, 13 de diciembre de 2012, párr. 191; Asamblea Parlamentaria del Consejo de Europa, Resolución 2067, Personas desaparecidas durante el conflicto en Ucrania, 25 de junio de 2015, párr. 7.2; Directrices de la Comisión Africana de Derechos Humanos y de los Pueblos sobre la protección de todas las personas contra las desapariciones forzadas en África, 25 de octubre de 2022, Sección 3.7.

⁴ [E/CN.4/Sub.2/1997/20/Rev.1](#), párr. 17. Véase también, Estudio sobre el derecho a la verdad, Informe de la Oficina del Alto Comisionado de las Naciones Unidas para los Derechos Humanos ([E/CN.4/2006/91](#)).

que el Estado debe satisfacer respecto a los familiares de las víctimas y la sociedad en general”⁵.

7. En el apartado 7.11 de nuestra decisión, el Comité ha concluido que el Estado no tomó medidas adecuadas para hacer efectivo el derecho de las víctimas a la verdad, en los términos estipulados en el artículo 24 (2) de la Convención, considerando que: “a más de nueve años de los hechos, la autora y la sociedad mexicana desconocen la verdad de lo ocurrido al Sr. Mendoza Berrospe. Ni la familia ni la sociedad mexicana conocen los nombres de los responsables de los hechos y no han sido oportuna y suficientemente informados sobre las circunstancias de la desaparición”. Es decir, para arribar a su conclusión, el Comité ha tenido en cuenta no sólo la dimensión individual sino también la colectiva del derecho a la verdad.

8. Tal referencia en nuestro pronunciamiento es relevante y necesaria, pues en el estado actual de desarrollo del Derecho Internacional de los Derechos Humanos es indiscutible la existencia de un derecho colectivo de la sociedad a la verdad, tan trascendente como el de las víctimas. El Comité no podría mantenerse ajeno a dicha realidad.

9. La trascendencia de la dimensión colectiva del derecho a la verdad radica en el efecto preventivo que puede tener el conocimiento de las circunstancias y motivos de las violaciones de derechos humanos pasadas, a fin de evitar su recurrencia en el futuro, por el efecto disuasivo generado en posibles futuros perpetradores. Por ende, con la realización de este derecho no se busca una respuesta meramente simbólica a las graves violaciones de derechos humanos pasadas, a través de su público señalamiento, sino dar una lección que contribuya a la reconstrucción moral de la sociedad.

10. De otra parte, el conocimiento público de la verdad puede fomentar la empatía del colectivo social con las víctimas, quienes suelen enfrentar la negación o distorsión de los hechos. En este sentido, la condición de víctima, ante la falta de una verdad colectiva, puede convertirse en un estigma en el centro de las interacciones sociales que transmite una imagen deteriorada de las víctimas, a sí mismas y al resto de la sociedad, como personas que no merecen la atención del Estado o la compasión de los demás. Por eso, la revelación pública de la verdad, y con ella el reconocimiento del sufrimiento y la dignidad de las víctimas, pudiera aliviar los efectos traumáticos de las violaciones de los derechos humanos, restaurando en los afectados un sentido de pertenencia, realidad y seguridad, así como la confianza en las instituciones del Estado.

11. Además, la revelación pública de la verdad sobre graves violaciones a los derechos humanos, como la desaparición forzada de personas, contribuye a la construcción de una memoria colectiva, y con ello a una narrativa y reconocimiento sobre el pasado –unos recuerdos compartidos– que otorgue sustento a una identidad como pueblo en el presente. La preservación de esa memoria colectiva puede alentar a las nuevas generaciones a tomar medidas para no repetir su pasado y construir un mejor futuro, más justo y democrático.

12. Concluiré señalando que, para la mayoría de las víctimas, la revelación pública de la verdad y, con ello, la expresión de algún grado de remordimiento del Estado al reconocer lo ocurrido ante el resto de los ciudadanos, son condiciones esenciales para una verdadera reparación. Tal reparación entre otras cosas debe garantizar la no repetición y para ello debe fomentar la solidaridad: promover que los miembros de la sociedad no permanezcan ajenos a realidades tan dolorosas como la de Yonathan y Angélica, sino que alcen la voz y salgan a las calles a arriesgarse por el otro, a defenderlo, porque saben que mañana pudiera ocurrirles lo mismo a ellos. Eso sólo se puede lograr cuando la sociedad conoce la verdad.

⁵ CIDH. Informe 136/99 (fondo), caso 10.488, *Ignacio Ellacuría S. J. y otros c. El Salvador*, 22 de diciembre de 1999, párr. 221.